

ББК 84Р7
Ц 271

Художник
Лариса Маливанова

Цветаева А. И.
Ц271 Непостижимые: рассказы о животных. М.:
Объединение «Всесоюзный молодежный
книжный центр», 1992. — 175 с.

Книга А. И. Цветаевой — талантливого прозаика, члена Союза писателей, автора книг «Королевские размышления», «Моя Сибирь», романа «Атог» и др., — является замечательным образцом ее автобиографических рассказов. Некоторые из них были опубликованы в сборнике «Моя Сибирь», часть рассказов выходит в свет впервые. О сострадании и доброте напоминает книга, посвященная беззащитным, верным и преданным существам.
Предназначена для детей школьного возраста.

4803010202—024
Ц ————— Без объявл.
022(01)—92

ББК 84Р7

ISBN 5—7012—0119—8

© А. И. Цветаева, 1992
© Оформление. Объединение
«Всесоюзный молодежный
книжный центр», 1992

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вклад семьи Цветаевых в русскую культуру огромен. Иван Владимирович Цветаев подарил России созданный его трудами грандиозный музей классического искусства. Старшая дочь его — Марина Цветаева — поэт, чьи стихи — золотые листья на антологическом древе поэзии. Трагическая судьба М. Цветаевой стала темой многих статей и книг. Младшая дочь профессора Цветаева, Анастасия Ивановна — писатель. «Воспоминания» ее — впечатляющий, объемный рассказ о русской интеллигенции начала века. Кто сумел, как она, запомнить и художественно передать волшебное «междустрочие» оттенков чувств и мыслей ушедшей эпохи?

Но Анастасия Ивановна не принадлежит безраздельно той седой поре. Она — через преодоления и провалы судьбы — через тюрьмы, ссылки, лагеря не только выжила, но сохранила талант прозаика до наших дней.

Тематический «конек» Анастасии Ивановны остается неизменным. Это автобиографическая проза, но — в самом широком смысле: в поле зрения писательницы попадают события и люди, которые во всем многообразии отражаются в кристалле творчества.

Почему все-таки автобиографическая, а не иная прозаическая волна? Да потому что цветаевский стержень столь явственно крепок, что за всем, что вышло из-под пера, чувствуется — воля, твердое «Я» — своеобразная точка нравственного отсчета. Эта точка отсчета есть сокровенное ядро личности, согретой светом религии, лучами христианства.

Еще в детстве она жарко молилась о том, чтобы

больная собака, которая не могла ступить на все четыре лапы, ходила на трех — выздоровела. Сколько радости было, когда собака по детской молитве действительно излечилась!

Духовная энергия молитвы, добра дает провидчивость и чуткость к миру. «Любовь» на языке планет — притяжение. Так Анастасия Ивановна *притягивает* впечатления...

Она с любовью относится к природе, к людям, к животным. И вспомним, что в высоком смысле Любовь — это Бог — «Бог есть Любовь»!

В той мере, в какой человек способен к духовному пути, в той степени он нужен планете.

На этой дороге не ржавеет, не никнет перо и, как годы назад, образы особой, только Анастасии Ивановне свойственной впечатленности ложатся в сторону. Например, неопубликованные еще, последнего времени очерки о чудесных явлениях, которые можно было бы назвать «Духовные были» — «О Блаженной старице Ефросинье», о «возвращении» иконы с ликом Христа, о призраке вещуньи... Или — тоже воплощенные в очерки, но уже более «мирские» образы певцов и певиц, известных в довоенной Москве. И в журнале «Дружба народов» — блестящее по языку и проникновенности прозаическое «впечатление» о современном эстонском художнике Олаве Мароне...

А ведь первые книги А. И. Цветаевой — «Королевские размышления» и «Дым, дым и дым» вышли еще в 1915 и 1916 годах!

О «Королевских размышлениях» написал статью Василий Розанов, крупнейший русский философ-эсеист. На вторую книгу откликнулся Леонид Андреев. Правда, Андреев, по словам Анастасии Ивановны, книги не понял — не понял, что за легкой утонченностью свиданий, встреч — дым тоски и «сердца горестные заметы». Истинное кредо книги — «Только утро любви хорошо».

После революции Анастасия Ивановна вошла в

число первого состава Российского союза писателей по рекомендации М. Гершензона и Н. Бердяева, выдающихся авторитетов в области литературы и философии.

В 20-30-ые годы она много писала — роман «SOS, или Созвездие Скорпиона», несколько повестей, книга о голоде, одобренная М. Горьким. Но то время было слишком неблагодарно к тем, кто не был согласен воспевать строй и его «вождей». Потому ее не печатали — не желала она по указке редактора «выпрямлять» биографии героев под «нужную линию». Оставалась верной себе... Оттого — арест в 1937 году, тюрьма и приговор — по 58 статье, за «контрреволюцию» — десять лет лагерей. Но и в заключении эта хрупкая женщина не сдавалась. Не отрекалась от того, что с 27 лет составляло прочно ее духовную суть. От христианства...

Рукописи А. И. довоенного периода почти все не уцелели, не найдены. Но из этого печального «правила» есть довольно крупное «исключение»: в 1990 году в журнале «Москва» (№ 2, 3, 4, 5) вышел из забвения к читателям «новый», то есть никогда не публиковавшийся, роман «Атог».

«Атог» — по-гречески — Любовь. Любовь в духовном, возвышенном смысле. Стремление романа, как говорит Анастасия Ивановна, — выразить сложную природу разности мужского и женского жизнесприятия.

Психологический роман писался в сталинском лагере и через вольнонаемных тонкими, мелкоисписанными листками передавался на волю.

Буквально в последние дни, часы перед выходом романа, Анастасия Ивановна «вплавляла» в монолит текста новые сцены; среди них — вставными эпизодами влившися в роман невыдуманные истории о животных. Такие, как раздробленное в романе повествование о собаках «Мишках». Собственно, собак звали Мишка и Каштанка. Их убили. Убили потому, что они раздражали

коменданта своей веселостью. В лагере не положено веселиться. Собаки «не подчинились» и были уничтожены, как могли быть уничтожены за неподчинение люди. «Шаг влево — шаг вправо — расстрел!» — таков закон идущей по снегу колонны заключенных. В лагерях гибли тысячи. Но и смерть животных, бессловесных, по природе своей безгрешных, потрясала.

И другая новелла, другого психологического уклона — тоже некогда записанная отдельно, вошла в «Амор». Первоначальное название новеллы «Мурыся». Она о кошке, которая оказалась котом, и не просто котом, а существом, способным проявить в момент расставания чувство дружбы и горечи, тоски... то есть приблизиться к тем высотам душевным, которые уже граничат с духовностью.

Анастасию Ивановну занимал «проклятый» в своей кажущейся нерешенности вопрос о глубинном, философском отличии человека от животного в смысле их посмертной судьбы. Она, конечно, обращалась с вопросом этим к своим духовным наставникам, к священникам. Но и у них не находила ответа.

— Животные так много страдают от человека! — говорила А. И., — достойный человек войдет в Царствие Небесное. И, кроме того, Христос взял на себя грех человека, а о преображении животных мы ничего не слышали.

И недоумение длилось, пока в Павлодар, где работал сын Анастасии Ивановны, Андрей Борисович Трухачев, и куда приехала она, не была прислана книга «Рай и ад». Много было в ней удивительных вещей. И среди прочего — рассказ о том, как Блаженный Андрей — а блаженных Андреев было три — один жил в III, другой в IX и третий — в X веке, — так вот один из них, — Анастасия Ивановна не запомнила точно какой, — был «восхищен», т.е. призван до третьего неба. У Данте в «Божественной комедии» — девять небес. Так — на третьем небе, изумляясь необычайной красотой и высотой рай-

ских деревьев, Блаженный Андрей увидел за ними силуэты животных. Шерсть на них была, как шелк, — цвета неба и зари. И животные перекликались меж собою музыкальными звуками.

Блаженный Андрей удивился, не ожидал он встретить в раю животных, но услышал голос сверху: «Что ты удивляешься, Андрей, что ты думаешь, что Бог хоть одной твари своей даст тление?..»

После такого известия из церковной книги у Анастасии Ивановны сомнения в возможности преобразования животных отпали.

Поясним, что с точки зрения тайных наук, в которые посвящали лишь самых достойных сынов человечества, «третье небо» не что иное, как «мир огненный» — то есть мир мысли, находящейся вне земных измерений. Его йогическое имя — Девакхан — он представляет собою более тонкую субстанцию, чем мир астральный, который ближе по частоте вибраций к нашему, физическому миру... Это действительно духовнейший из доступных величайшим ясновидящим слоев сверхматериального бытия. Если в астральном мире разлиты краски, то в девакханическом мире в доминанте — звуки, звучащие сферы пифагорейские. Что еще касается животных, то по антропософскому учению доктора Штейнера, животные имеют все «компоненты» человека — физический состав, чувства, даже мысли, но не имеют только одного — своего «Я». «Я» у каждого рода животных — коллективное, одно на многих. Оно живет в четвертом измерении, и оно значительно мудрее, чем отдельно взятый человек...

Ту же истину, даже более проникновенно, чем Рудольф Штейнер, высказал десятилетний мальчик, сын священника, духовника Анастасии Ивановны. Он сказал: «У животных есть душа, но у них нет Духа. Дух только у человека». Что ж, по Евангелию — устами младенца глаголит истина.

И тем не менее — мы равноправны с животными

нашей душевной жизнью. Она у животных очень развита. Вот почему чудеса преданности, верности проявляют собаки, кошки, вот почему животные способны на ласку, на эмоции, которые больше ожидаешь встретить у людей. Хотя в силу той же интенсивности душевной жизни животные способны на гнев, на обиду.

Весь этот спектр чувств и удивительных проявлений наших «младших братьев» мы встречаем в рассказах Анастасии Ивановны о животных, написанных в разные годы. Некоторые, такие как «Бобка и Барбос», «Руслан и его хозяева», «Домка», «Миша, Вася и Фея», «Друг», «Три собаки», «Кроля», «Свин» — созданы были в Сибири.

(Потом в несколько измененном виде они были включены в книгу «Моя Сибирь»). Там, в ссылке «навечно», Анастасия Ивановна не опускала перо, верила в высшую помощь, высший промысел.

Она не считала никогда, что жизненный путь должен быть усыпан розами. Жизнь — это испытание. Кому Бог испытаний не посылает, тот испытаний не достоин. Недаром испытания приходились на долю замечательных людей, святых или праведников.

Рассказы Анастасии Ивановны о животных проникнуты состраданием. С какой болью описывает она смерти животных! Для нее, как для человека духовного, существенна не только жизнь, но и смерть. «Memento mori!» — повторяли древние. — «Помни о смерти!» Смерть, в силу великого и тайного закона взаимосменяемых противоположностей, напоминает о Жизни. Так, смерть котенка в «Наших подопечных» или птенца из рассказа «Птенец» — заставляет души наши встрепенуться жалостью, пережить скорбь о несовершенстве нашего мира, зыбкого, как мираж, способного «уйти из-под ног» в любую минуту. Это наиболее проникновенно знали Будда и Христос. Их слезы были об этом мире.

И слезы писательницы — о наиболее естественных и беззащитных, прирученных существах.

Может показаться, что в рассказах навязчиво много о смерти. Публикуя в журнале «Полярная Звезда» два рассказа Анастасии Ивановны — «Безымяночка» и «Кроля», редакция предпослала публикации еще одно, общее заглавие — «Жестокость». Но лучше — и больно и много о смерти, чем эмоциональная усредненность, охранительная позиция — лишь бы не через край! Пусть даже через край, но потоком — в душу ощущающую, в которой — пламенеющим зерном — сочувствие, соединяющее с Природой, с Богом.

И еще. Печатью духовности в рассказах Анастасии Ивановны — ее покаянность. Она не стыдится признать собственную вину перед собакой ли, кошкой ли, свой грех, совершенный в миг душевной черствости, нечувственности. Этот миг мучает через годы и десятилетия, вспоминается, не оставляет.

Мотив покаяния явлен особенно в «Домке», в «Наших подопечных» (эпизод с кошкой Совой), в трогательном рассказе о гусе Теге, в «Мишках»...

Грех перед животным — меньше ли он, чем грех перед человеком?

Совершенно особым событием собравшейся воедино книги рассказов о животных А. И. Цветаевой стало эссе — философское размышление «Насекомое». Это парадоксальное, как того и требует эссеистический жанр, произведение — размышление о жизни и смерти, о праве человека прервать жизнь другого, пусть даже самого малого существа... Это эссе — о милосердии.

И за строкой незримо встает христианская заповедь «Не убий!» — а в древней транскрипции тайноведения: «Не покушайся на жизнь единицы в физическом плане!» Заметьте — любой единицы.

Заповеди христианства все просты, и все в простоте своей трудны. К соблюдению одной из них зовет Анастасия Ивановна в своем небольшом «Насекомом». Прочтя «Насекомое», мы понимаем, что любой грех —